

Оценивая значение Московского фестиваля 1957 г. в исторической ретроспективе, можно сказать, что он стал для советского режима опасным экспериментом с далеко идущими последствиями. Встреча с иностранными сверстниками нанесла непоправимый ущерб культивируемому в сознании советской молодёжи пропагандистскому образу зарубежья. Наехавшие с разных концов планеты молодые люди даже внешне оказались совсем не такими, какими их воображали. Выяснилось, что социалистические друзья – отнюдь не ревностные поклонники Советского Союза, а западные визитёры – не одурманенные империалистической пропагандой простаки, готовые уверовать в коммунистические идеалы при первом знакомстве. На молодёжь столицы сильное впечатление произвела западная молодёжная мода – майки, кеды, джинсы, спортивные кепочки и стрижки “аэродром”. Но ещё более притягательным оказался стиль поведения западных сверстников – нарочитая небрежность в одежде, пренебрежение условностями, подчёркнутая независимость. В дни фестиваля советское молодое поколение остро ощутило степень собственной несвободы и выразило стремление нарушить официальные запреты. В этом смысле и московская “сексуальная революция” имела в основе протест против ханжеской советской морали. Проявлениеми протesta и несогласия стали не одобляемые властью неформальные встречи с иностранцами, беседы на московских улицах в вечернее и ночное время, обсуждение нежелательных тем. Конечно, советское общество сохраняло многие внешнеполитические стереотипы “холодной войны”, демонстрируя по отношению ко всему заграничному подозрительность, враждебность, настороженность, не желая выносить сор из избы. Однако фестиваль ускорил процесс разложения ортодоксального советского сознания, как выяснилось спустя годы – процесс необратимый.

Примечания

1. Козлов А. “Козёл на саксе” – и так всю жизнь. М., 1998.
2. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф.89, пер. 46, д.11, л.3 – 6.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. Р-9401, оп. 2, д. 490, л. 357 – 360.
4. РГАНИ, ф. 89, пер. 46, д. 14, л.2.
5. Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999. С. 210.
6. Козлов А. Ук. соч., с. 102.
7. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 491, л. 427, 428.
8. Там же, л. 222.
9. Там же, л. 250.
10. Там же, л. 254 – 255.
11. Там же, л. 257, 261, 256.
12. Там же, л. 257.
13. Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е – 60-е годы. М., 1999. С. 239 – 240.
14. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 491, л. 258, 259.
15. Там же, л. 282, 283.
16. Козлов А. Ук. соч. с. 105.
17. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 491, л. 265 – 267.
18. Козлов А. Ук. соч., с. 106.
19. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 491, л. 293.
20. Там же, л. 311, 321.
21. Там же, л. 356.
22. Центр документации новейшей истории Ярославской области, ф.272, оп. 227, д. 203, л. 1,3.
23. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 491, л. 259, 262.
24. Там же, л. 362, 430.
25. Там же, л. 400 – 401.
26. Там же, л. 377 – 378, 433.
27. Там же, л. 377, 378.
28. Там же, л. 258, 431, 404.
29. Там же, л. 432, 406 – 407, 374.
30. Там же, л. 315, 433.

Е. Л. Сараева

Проблема личности в работах А. И. Герцена 1842 – 1846 гг.

В учении западников 40-х годов XIX века историки выделяют идеи единства законов развития Запада и России, включенности России в контекст европейской истории, приоритетности личности, правового обеспечения свободы человека. Наибольшее внимание исследователи уделяли проблеме Запад – Россия, утверждая, что она занимала центральное место в полемике образованных людей 40-х годов XIX века. Однако в концепции общественного развития, созданной западниками, центральной является идея обеспечения свободы и прав личности. Их интерес к Западу объяснялся тем, что европей-

ская цивилизация создала большие условия для жизни человека, чем Россия. Идея развития личности имела большое влияние на формирование мировоззрения образованного общества [1].

В исследованиях подчеркивается, что западников и славянофилов отличало различное решение вопроса о соотношении общечеловеческого и народного в историческом процессе. «Если западники всецело стояли на примате общечеловеческого начала, то для славянофилов характерна склонность к преувеличению роли народного, национального фактора в истории» [2].

Из всех западников, принимавших участие в идеиных спорах 40-х годов, наиболее глубокое решение проблемы личности дал А.И.Герцен. Публицистические и художественные произведения Герцена, созданные им в период его участия в дискуссиях со славянофилами в 1842-1846 годах, посвящены размышлениям о личности.

Глубокое исследование проблемы личности в работах Герцена осуществил Иванов-Разумник в начале XX века. Он отмечал, что Герцен проблему индивидуализма ставил во главу угла своего мировоззрения. Для Герцена личность стояла выше общества, он считал необходимым широкое развитие личности во всех сферах жизни, достижение синтеза общества и личности при главенстве интересов последней [3].

В советский период развития исторической науки наибольшее внимание изучению мировоззрения Герцена 40-х годов XIX века уделила З.Ф.Смирнова. Она утверждала, что в 40-е годы Герцен создал концепцию личности, в которой выделяется идея признания личности не средством для решения проблем общества, а самостоятельной ценностью [4].

Необходимо всестороннее изучение работ Герцена 40-х годов, главной темой которых было развитие личности. Это позволит глубже понять его мировоззрение и учение западников.

Раздумья Герцена о смысле жизни и условиях развития человека представляют собой оригинальное воззрение на личность. Оно изложено в статьях, опубликованных в 40-х годах. В 1843 году в журнале «Отечественные записки» была издана статья Герцена «По поводу одной драмы». В ней Герцен, размышляя о пьесе, которую видел в театре, дал свое понимание проблемы личности. Он поднял многие жизненные вопросы: о значении любви в жизни человека, основах брака, супружеском

долге, духовном развитии личности, о соотношении двух миров – личности и всеобщего. В 1845 году Герцен написал статью «По разным поводам», напечатав ее под заглавием «Капризы и раздумья» в «Петербургском сборнике» в 1846 году. В этом же году он создал работу «Новые вариации на старые темы», опубликовав ее в «Современнике» в 1847 году. В этих работах Герцен поднял проблемы взаимоотношения людей, необходимости изменения сознания общества, формирования новой морали.

Герцен противопоставлял людей, сосредоточенных на себе, жизнь которых была ограничена лишь личными проблемами, людям, которые не удовлетворились только семейной жизнью, а интересовались всеобщими проблемами. Последних он назвал широко развитыми людьми. Себя Герцен относил к группе людей, стремящихся раскрыть свою душу всему человеческому. По мнению Герцена, небосклон личной жизни тесен.

Герцен признавал большое значение любви и семьи в жизни человека. Любовь – осознание блаженства бытия, восхищение жизнью, ее апофеоз, красота, отречение от себя в восторге от другого. «Существовать – величайшее благо; любовь раздвигает пределы индивидуального существования и приводит в сознание все блаженство бытия; любовью жизнь восхищается собою; любовь – апофеоза жизни... Любовь – пышный, изящный цветок, венчающий и оканчивающий индивидуальную жизнь...» [5] Семья, основанная на любви, удовлетворяет многие потребности человека. Герцен сравнивает семейную жизнь с обработанным садом, вычищенным и прибранным. «Сад этот может долго утешать хозяев, особенно если забор его перестанет колоть глаза; но случись ураган – он вырвет деревья с корнями, затопит цветы, и сад будет хуже всякого места. Таким хрупким счастьем человек не может быть счастлив; ему надобен бесконечный океан...» [6].

Жизнь человека не может быть сосредоточена только на любви. «Любовь – один момент, а не вся жизнь человека... Монополию любви надо бороть вместе с прочими монополями» [7].

Любовь – не единственное благо жизни. В круг интересов человека должны входить всеобщие интересы. Человек должен развиваться в мире всеобщего с тем, чтобы прийти к себе, познать себя, развить свою индивидуальность.

Герцен был противником всякой ограниченности, односторонности, формализма. Используя диалектический метод Гегеля, он выявлял противоположности в жизни человека и примирял их в высшем единстве, отмечая, что гегелевская диалектика многими понимается формально, в жертву обязательно приносится одна из противоположностей и чаще всего свобода развития индивидуальности. Формалисты требуют отречения от любви во имя долга, подчинения сердца разуму, признания ничтожности личности.

Герцен поднял проблему соотношения мира личности и мира всеобщего и дал следующее ее решение: «Не отвергнуться влечений сердца, не отречься от своей индивидуальности и всего частного, не предать семейство всеобщему, но раскрыть свою душу всему человеческому, страдать и наслаждаться страданиями и наслаждениями современности, работать столько же для рода, сколько для себя...» Не должно отрекаться от любви, семьи, своей индивидуальности, но не следует и ограничивать свою жизнь лишь личными проблемами. Жизнь полна и многообразна только тогда, когда человек работает для себя и для общества. «Человек не может отказаться безнаказанно от участия во всех обителях, в которые он призван своим временем. Человек, развившийся равно, не может жить семейною жизнью, ни отказаться от нее в пользу всеобщих интересов». «... по мере расширения интересов уменьшается сосредоточенность только на своей личности...» [8]

Человеку равно необходимы сердце и разум. Личную жизнь нельзя рабски подчинять требованиям разума и сообразовывать ее только с общепринятыми представлениями о браке и семье. В основе их лежит требование выполнения долга. Наслаждение жизнью есть право всего живущего. Сердце сильно своими страстями. «Человек без сердца – какая-то бесстрастная машина мышления, не имеющая ни семьи, ни друга, ни родины». Сердце составляет прекрасную, необходимую основу духовного развития. Страдающий человек, переживающий личное горе, имеет эгоистическое сердце. Его необходимо развивать, научить сопереживать другим людям. Разум должен обобщить чувства, сердечные страсти, а сердце оживляет чувствами разум. Следует «развить эгоистическое сердце во всех скорбящем, обобщить его разумом и в свою очередь оживить им разум» [9]. Надо устремить сердце к разумной цели. В поиске единства противоположных основ жиз-

ни человека Герцен создает представление о жизни широкой, духовно богатой, обеспечивающей развитие личных и общих интересов, признание любви и долга, влечений сердца и разумного понимания цели жизни. Герцен отрицал необходимость подчинения жизни человека какой-то идее, превращения личности в жертву всеобщего. Он был противником жизни за забором, даже если она проходит в благоухающем саду. В его представлении жизнь – океан возможностей и интересов. Герцен приводит мнение Тиссо: «Природа жестоко мстит оскорбляющим ее законам; эта месть лежит в самом отступлении от бытия, в которое должен развиться организм и есть физическое последствие его» [10]. Эту мысль Герцен считал великой истиной. Развивая ее, он писал о необходимости восприятия личностью общечеловеческих интересов, проблем, идей, расширения горизонта своего бытия. «Человек должен развиться в мир всеобщего...» [11]. «Широко развернутые люди» отдают богатую долю своей жизни любви, но она не поглощает полностью их жизнь, они не отказались от всеобщих интересов гражданственности, искусства, науки.

Герцен считал, что частная жизнь человека отягощена традиционной моралью, которая ничего общего не имеет с понятиями чести и благородства. Нужно расчистить человеческое сознание «от всего наследственного хлама». Эта задача очень трудная, так как большинство людей живет по привычке. «Мы слишком привыкли к тому, что мы делаем и что делают другие вокруг нас, нас это не поражает: привычка – великое дело, это самая толстая цепь на людских ногах; она сильнее убеждений, таланта, характера, страстей, ума» [12].

Герцен предложил своим современникам задуматься о нравственном кодексе, определявшем частную жизнь.

Привычки поведения в быту настолько расходятся с нормами официальной морали, что они порождают ложь, постоянное двоедущие. Люди лгут из учтивости, из добродетели, из порочности. Ложь сделалась совершенно естественной, даже моральной. Двойная мораль ведет к нравственному падению человека.

Человека возвышают или развращают усвоенные им жизненные ценности. Безнравственна ревнивая привязанность к имуществу. Богатство, «как тяжелая гиря, стягивает к земле всякий порыв, всякую благородную мысль» [13]. «Деньги и богатство – страшный оселок для людей: кто в нем попробовал себя и выдержал испытание, тот смело может сказать,

что он человек» [14]. Герцен писал, что ради сохранения своих денег многие переступят через мораль, «своротят с прямой дороги». Следует воспитывать отношение к деньгам. Они не должны составлять главную ценность для человека.

Человек должен уважать в себе и в других только человеческое начало, душу, ум, а не деньги и вещи. «...уважать вещь – вообще бесмыслица, но уважать деньги – двойная бесмыслица...» [15]. Можно ценить красоту вещи, беречь ее, потому что она сопряжена с дорогими сердцу воспоминаниями. Но возносить человека только за то, что он обладает богатством, – дурно. Уважения достойны «самоотвержение на поприще гражданственности, мужество на поле битвы, смелая речь, патриотизм, готовность служить другу рукой, головой...» [16]. Необходимо формировать высокие духовные ценности, развивать потребность благородного служения людям, отечеству.

В работах 40-х годов Герцен неоднократно писал о своем отношении к романтизму. Эта проблема имела исключительно важное значение для мыслящего меньшинства 30-40-х годов XIX века. 30-е годы были временем романтизма в России. Под влиянием западной и русской науки и культуры в России сформировалось поколение романтиков, создавших высокие идеалы жизни человека. В 40-е годы в кругу Грановского возникла дискуссия о романтизме. Герцен считал необходимым преодоление романтизма и формирование разумного отношения к действительности. Для юности свойственны романтические грэзы. Это естественно и необходимо для развития личности. Но юношеские мечты далеки от действительности. Если человек во имя спасения своих благородных юношеских идеалов отгородится от действительности, он остановится в своем развитии. Жизнь не терпит закоснелости, все подлежит развитию. «Остановиться в юности потому скверно, что на всем останавливаться скверно, - надобно быстро нестись в жизни...» [17].

Человек должен понимать окружающий его мир. Натура действительная должна жить не с юношескими грезами, а с юношеской энергией. Не следует подходить к жизни с догматическими установками, нужно импровизировать, решать жизненные вопросы творчески. Необходимо вырабатывать действительное воззрение, а не держаться твердых, закоснелых истин. Действительное воззрение – «текуче, тягуче, оно колеблется, как вода в море, - но кто сдви-

нет подвижное море?» [18]. Человек, постоянно развивающийся, имеет живую душу в старости.

Идеи постоянного развития, неприемлемости застывших истин, творческое, критическое отношение к действительности были важными элементами воззрения Герцена 40-х годов.

Герцен считал необходимым формирование нового воззрения на жизнь. Оно должно охватывать многие жизненные вопросы, но его осью является проблема взаимовлияния личности и общества. Герцен рассматривал их как противоположные составляющие единого целого – человечества. Отношения между личностью и обществом должны быть основаны на гуманистических принципах.

Особенностью воззрения Герцена была его жизненность, оно отвечало на вопросы российской действительности. Герцен стремился осмыслить общественные проблемы с позиций разумности и гуманизма.

Он считал, что необходимо работать над изменением сознания современного человека. Оно имеет противоречия, повлиявшие на его убеждения и исказившие весь его нравственный быт. Человек не понимает этих противоречий, так как они – явления подсознательные. Ярко предрассудков поддерживают заблуждения.

Противоречия нравственного быта современных людей можно преодолеть только развитием мысли, науки. Герцен утверждал, что истина бытия может быть понята разумом человека. «Отсюда желание сохранить разом науку, со всеми ее правами, с ее притязанием на самозаконность разума...» [19]. Он не отводил православной вере существенного места в понимании мироздания и не принимал критику славянофилов возможности разума раскрыть законы бытия.

Наука до сих пор была далека от действительности. Поэтому она не могла влиять на нравственный быт людей. Имея в виду прежде всего немецкую философию, популярную среди русских образованных людей, Герцен писал, что основными ее недостатками были отвлеченность от жизни и трудный язык. «Наука, выросшая вдали от жизни, за стенами аудиторий, держалась большую частью в отвлечениях, говорила свысока языком трудным и в то же время неопределенным, которым она столько же высказывалась, сколько скрывалась...» [20]. Не теряя глубины основ науки, надо говорить ясно, чтобы предупредить всякое двусмысленное выражение. Этого требует честность в нау-

ке. Пора говорить просто, ясно, пора все говорить, насколько это возможно. В силу цензурных ограничений говорить языком совершенно простым трудно, но нужно стремиться говорить языком откровенным.

Герцен писал, что слагающееся современное вождение на жизнь сложно, «оно было выработано в мучительной борьбе и трудно уловляется в какой-нибудь маленький кодекс...» [21].

Современное вождение выдвинуло высокие и многосторонние требования. Оно имеет шанс не оставаться в отвлечении, а быть принятим в мозг и кровь. Главным препятствием для его понимания является то, что у каждого есть готовые убеждения.

Одним из основных элементов нового вождения являлась идея нравственной независимости человека. Люди испокон века стремятся к ней, толкуют о ее достоинстве. Почему же они не достигли ее? «Людям страшна ответственность самобытности; любовь их к нравственной независимости удовлетворяется ожиданием, вечным стремлением...» [22]. Нравственную свободу люди заменяют любовью к умственному авторитету, доверяя ему поиск истины, освобождая себя от необходимости думать. Человек может отбросить один умственный авторитет, но тут же он принимает другой.

Любовь к авторитетам, подвластности «основана на самопрезрении, на уничтожении своего достоинства», на представлении о неспособности самостоятельно понять истину бытия. Человек же должен стремиться к самобытности, твердо стоять на своих ногах. Даже большая часть самых развитых людей не самобытна. «... вы у каждого найдете какое-нибудь карманное идолопоклонство, ... хоть какой-нибудь авторитет...» [23]. Из любой мысли человек сплетет веревку, чтобы перевязать себе ноги. Даже любовь и дружбу Герцен считал источниками нравственных притеснений.

Факторами, сдерживающими развитие личности, являются ее зависимость от внешних обстоятельств и недооценка собственных возможностей. Герцен не призывал к свержению авторитетов. Необходимо с должным уважением относиться к отцу и матери, к нравам своей страны, науке и идеям. Однако сравнение себя с авторитетами не должно вести к самоуничижению, презрению себя. Уважая другого человека, нельзя превращаться в его раба. Герцен высказал мысль, которую можно считать основным тезисом гуманистического учения о личности: внутри каждого человека есть дос-

тойное уважение [24]. Общественное сознание было очень далеко от понимания этой истины. В нем превалировала идея долга перед монархом, отечеством, отцом и матерью, обществом. Исполнение внешнего долга считалось безусловной нравственной истиной. Содержание этого долга официальные лица, общество представляли себе различным, но все требовали подчинения долгу, диктуемому государством и обществом. Человек, следуя требованиям, навязываемым ему как долг, превращается в исполнителя чужой воли. Никто не должен быть рабом чужой воли. Долг перед отечеством и людьми может быть человеком осознан, и тогда этот долг становится мыслью, истиной, которая не теснит. Человек из жертвы превращается в свободного творца. Исполнение долга является для него не самоотвержением, а естественным образом действия.

Герцен отмечал, что общество изначально неверно относится к воспитанию человека. Считая его несовершенным от природы, оно требует от него исполнения определенного долга, утверждая, что человек должен стремиться стать добродетельным.

Формирование личности должно идти противоположным путем. Следует содействовать развитию внутренних потребностей человека. «Быть человеком в человеческом обществе – вовсе не тяжкая обязанность, а простое развитие внутренней потребности» [25]. Одним из результатов воспитания человека должно быть сознание своего достоинства.

Герцен дает определение будущего общества, которое может быть сформировано путем свободного духовного развития каждого человека – «человеческое общество». В этом обществе будет обеспечено уважение достоинства человека, будут реализованы идеи гуманизма.

Неверно изображать Герцена предтечей большевиков и возлагать на него ответственность за их преступления. Большевики рвались к власти, одержимые идеями диктатуры пролетариата, подчинения масс воле партийных лидеров. Большевики потребовали от народа жертв, самоотверженного им служения. Герцен же был решительным противником превращения одного человека в жертву другого. В основе его учения об обществе лежали гуманистические идеи уважения достоинства человека, свободного развития его внутренних потребностей. Н.А.Бердяев отмечал, что «Герцен не типичен для революционной интеллигенции...» [26].

Решая проблему, какими должны быть взаимоотношения между людьми, Герцен отмечал, что главное – «не делать ничего против человеческого». «... всякому принадлежит право требовать, чтоб я его не оскорбил и чтоб я не оскорблял его оскорблением другого» [27]. Сознавая, что не все люди понимают нравственные законы и сообразуют свое поведение с требованиями разума, Герцен считал необходимым использование внешних мер – законов, чтобы «заставить лицо исполнить общую волю», нравственный закон. Если Герцен признавал право общества требовать от человека исполнения нравственных законов, то в политической жизни он считал неприемлемым превращение человека в жертву. Моралисты, «представляя себе слишком отвлеченно и односторонне идею долга, ... захотели, чтобы и в политическом мире человек предупредительно, добровольно жертвовал собою и всем своим...» [28]. Для Герцена была неприемлема идея политической диктатуры.

Одним из внешних обстоятельств, искажающих сознание людей и препятствующих развитию личности, является общественная мораль, которая еще носит феодальную одежду. Но жизнь развивается. Пора пересмотреть понятия, унаследованные от схоластики.

Общественная мораль негодует против эгоизма, считая его значительным пороком. Но если уничтожить эгоизм, считает Герцен, то человек превратится в «пресного добрая, напрашивавшегося на добровольное рабство» [29]. Эгоизм - неотъемлемое свойство человека, так как он есть сознание своей личности, ее замкнутости и прав. Проявления эгоизма могут быть различными в зависимости от духовного развития человека. У дикого человека он дик, у образованного он сливаются с высшей гуманностью. «Высокий эгоизм» не ведет к ущемлению прав другого человека, он позволяет строить разумные отношения между людьми. «Эгоизм развитого, мыслящего человека благороден, он-то и есть его любовь к науке, к искусству, к ближнему, к широкой жизни, к неприкосновенности...» [30]. Все сущее стремится к обособлению. Развитие человека должно вести к познанию своей индивидуальности. Эгоизм содействует этому. Мыслящий человек, стремящийся к самопознанию, не замыкается в своем мире, он способен любить ближнего. Разумный эгоизм и любовь к людям – это две противоположности, которые не могут быть друг без друга.

Признавая человеческое достоинство, необходимо признать и право личности на проявление своей воли. Естественно, свое волеизъявление должно контролироваться разумными соображениями.

Основную причину нелепости светской морали Герцен видел в том, что источником ее являлся отвлеченный долг. Герцен был согласен с мнением Гегеля о том, что мысль должна быть вольной, не должна иметь своим источником строго определенное содержание. Герцен привел следующую мысль Гегеля: «Мысль вольно ширилась и сосредоточивалась в этом мире, и сосредоточивалась свободная от всякого данного содержания: это было вольное всплытие вширь, где ничего нет ни под нами, ни над нами, где мы остаемся наедине с собою...» [31]. Светская мораль не должна иметь в своей основе догматов.

Если лишить светскую мораль ее основы – понятия долга, то следует пересмотреть содержание и таких противоположных нравственных принципов, как справедливость и пристрастие. В основе научных суждений лежит справедливость, но в основе всего личного, любви, дружбы лежит пристрастие. «Брак основан на пристрастном предпочтении одной женщины всем остальным, одному мужчине – всем прочим. Предпочтение, которое мать оказывает своему ребенку, – вопиющее пристрастие; мать, которая была бы только справедлива к детям, могла бы служить образцом сухого и бездушного существа. Семейная любовь – такое же пристрастие, не выдерживающее критики, как любовь к отечеству. Строго справедлив космополит. Справедлив человек, ничего не любящий особенно...» [32]. Если следовать общественной морали и осудить пристрастные личные отношения, то человек будет принесен в жертву идеи. Люди «без малейшего раздумья водили на казнь во имя всякой идеи и во имя всякого убеждения». «... судьи, возвращаясь домой, говорили: "Что делать: справедливость выше всего, ... и кротко засыпали с чистой совестью на мягких подушках, забывая запах подожженного мяса» [33]. Герцен не соглашался с утверждением «*pereat mundus et fiat justitia*» – правосудие должно совершиться, хотя погибнет мир. Человек нуждается не только в справедливости и правосудии, но и в любви, дружеском, пристрастном к нему отношении.

Высшей ценностью является человек, а не отвлеченная идея, отношения между людьми должны быть основаны не только на справедливости, но и на любви, дружбе, прощении, по-

нимании, помохи, уважении. Герцен дал удивительное по своей человечности понимание дружбы. «Апостол Павел не говорит, что любовь справедлива, а говорит, что она милосердна, долготерпелива. Когда в тяжелую, горькую минуту раскаяния я бегу к другу, я вовсе не справедливости хочу от него. ... от друга я жду не осуждения, не ругательства, не казни, а теплого участия и восстановления меня любовью, от него я жду, что он половину моей ноши возьмет на себя, что он скроет от меня свою чистоту» [34]. Человек ждет от ближнего любви, веры в свои силы, взаимного участия. Герцен считал, что соединением людей служат не идеи, а любовь. «Если я в человеке люблю только его идею, а не люблю человека, а люблю идею. ... с человеком я мало соединен общим признанием нескольких истин... Если было достаточно было одного отвлеченного согласия мыслей, то все умные люди были бы друзья. Не только ума недостаточно для сближения, но даже гения...» [35].

Работы Герцена 40-х годов свидетельствуют о цельности его мировоззрения. Основной их темой было развитие личности. Она имела исключительно значение для России, где традиционно не признавались права человека. Герцен решал проблему личности с гуманистических позиций, утверждая право человека на широкое духовное развитие, уважение своего достоинства, понимание значимости своей индивидуальности. Человек должен жить не только личными интересами, но и всеобщими, чтобы развить свою индивидуальность, жить и для себя, и для общества. Личность нельзя приносить в жертву обществу. Судьба человека не должна быть подчинена лишь осуществлению идей общества, она должна заключаться в развитии и удовлетворении разумно осознанных потребностей. Жизнь человека не представляет собой прямолинейного развития от несовершенства к совершенству. Она проходит в борьбе противоположных начал, которая должна стремиться не к победе одного из них над другим, а к высшему их единству. Герцен выделял противоречия между личностью и обществом, частными и всеобщими интересами, свободой и долгом, любовью и справедливостью, сердцем и разумом, человеком и идеей, традициями и творчеством, романтическим грезами и реальными возможностями, интеллектуальной независимостью и авторитетами, эгоизмом и любовью к ближнему. Борьба этих противоречий должна вести к очеловечиванию человека. Высшими общественными ценностями являются-

ся личность, сознающая свои права и достоинство, свобода, любовь, дружба, наука, искусство, отчество.

Литература

1. Либерализм в России. М., 1996. С.152.
2. История русской философии. М., 1998. С.94-95.
3. Иванов-Разумник. История русской философской мысли. В 3-х т. М., 1997. Т.2. С.3,6,7,11.
4. Смирнова З.Ф. Социальная философия А.И.Герцена. М., 1973. С.53.
5. Герцен А.И. По поводу одной драмы // Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1954. Т.2. С.67.
6. Там же. С.62.
7. Там же. С.67-68.
8. Там же. С.63-64.
9. Там же. С.64.
10. Цит. по: Герцен А.И. По поводу одной драмы... С.68.
11. Герцен А.И. По поводу одной драмы... С.69.
12. Герцен А.И. По разным поводам... // Герцен А.И. Собр. соч.... С.75.
13. Там же. С.82.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же. С.83.
18. Там же. С.84.
19. Там же. С.87.
20. Там же. С.88.
21. Там же. С.89.
22. Там же. С.90.
23. Там же. С.92.
24. Там же. С.93.
25. Там же. С.94.
26. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // Бердяев Н.А. Сочинения. М.: Раритет, 1994. С.280.
27. Герцен А.И. Новые вариации на старые темы... С.94.
28. Там же. С.95.
29. Там же. С.96-97.
30. Там же. С.97.
31. Цит. по: Герцен А.И. Новые вариации на старые темы... С.98.
32. Герцен А.И. Новые вариации на старые темы... С.99.
33. Там же. С.102.
34. Там же. С.101.
35. Там же.